

ЧАСТЬ III. МЕМУАРЫ БРЕЖНЕВА

„МАЛАЯ ЗЕМЛЯ”

*А все-таки жаль, – иногда над победами нашими
Встают пьедесталы, которые выше побед.*

Булат Окуджава

Военные мемуары „Малая земля” Леонида Брежнева („Новый мир”, № 2, 1978) – любопытнейший литературный документ со множеством служебных функций – биографических, военно-исторических, актуально-политических и в некотором смысле даже художественных. Однако авторский „художественный метод” восстановления событий и проникновения в сознание их участников еще как-то результативен, если описывается поведение рядовых советских воинов, но явно подводит автора, когда он повествует о собственных деяниях. Дело не в том, что Брежнев слишком субъективен (что отчасти естественно для произведения такого жанра), а в том, что он грешит против элементарного закона мемуарной литературы: психологической мотивированности и исторической оправданности своих собственных действий. Поэтому когда Брежнев живописует мужественный облик девушки Марии Педенко, повествует о героической смерти Салахутдина Валлиулина или рисует сцену смерти молодого лейтенанта в госпитале, то мы еще можем ему поверить, но когда он пишет, что в середине войны ЦК партии хотел его отозвать с фронта на руководящую партийную работу или высшее командование хотело повесить его в

должности (а значит и в чине), а он в обоих случаях настоятельно попросил не делать этого, чтобы остаться на передовой линии (стр. 7), то здесь поверить ему никак уж нельзя. Тут психологическая фальшь так и выпирает наружу, тем более, что из последующей борьбы за карьеру Брежнева читатель знает, что скромность не есть сильная черта его характера.

В начале мемуаров Брежнев, говоря о значении пакта Молотова—Риббентропа, впервые в советской литературе сообщает нам истинный мотив, которым руководствовался Кремль, заключая данный пакт. До сих пор все советские источники в один голос утверждали, что Советский Союз не хотел войны и заключил указанный пакт, чтобы выиграть время, в случае если ее захотела бы начать сама Германия. Отныне, со слов Брежнева, мы знаем, что пакт был заключен, чтобы готовиться к войне именно с Германией. Этим самым подтверждается заявление Гитлера, что его нападение на СССР было с его стороны объявлением превентивной войны.

Вот рассуждения Брежнева на этот счет. В 1940 г., говорит Брежнев, Днепропетровский обком партии собрал совещание, чтобы информировать партийных лекторов о пакте между СССР и Германией. Присутствовало около четырехсот человек. Один из лекторов задал вопрос: „Товарищ Брежнев, мы должны разьяснять о ненападении, что это всерьез, а кто не верит, тот ведет провокационные разговоры. Но народ-то мало верит. Как же нам быть? Разьяснять или не разьяснять?” (...) „Обязательно разьяснять, — сказал я. — До тех пор, товарищи, будем разьяснять, пока от фашистской Германии не останется камня на камне!” (стр. 7).

Прежде чем приступить к анализу произведения Брежнева, объясним, что же это за Малая земля.

Это, собственно, не Малая земля в географическом смысле. Это предместье Новороссийска; участок побережья площадью около тридцати квадратных километров, мысом входящий в бухту. Сам Новороссийск был занят немцами, но на море преобладание было советское. Пользуясь этим, командование 18-й армии генерала Леселидзе решило высадить на берегу бухты десант для создания там плацдарма против немцев. При поддержке и под прикрытием Черноморского флота в начале февраля 1943 г. 18-я армия высадил туда сначала 250 человек, через несколько часов еще 800 человек, а через пять дней десантников стало более 17 тысяч. Брежнев пишет: „Чтобы читатель оценил обстановку, скажу, что в дни десанта, каждый, кто пересек бухту и прошел на Малую землю, получал орден” (стр. 3). Брежнев приводит рапорт одного старшего лейтенанта первой десантной группы, из которого читатель должен убедиться, что наибольшие жертвы в войне несла партия. Так, из семи человек убитых и раненых в этой группе беспартийным был только один (стр. 9). Но сам же Брежнев дальше раскрывает нехитрую механику высоких „жертв партии”: перед каждым десантом, как и перед каждой атакой, тот же Брежнев пачками записывал солдат в партию и торжественно вручал им кандидатские карточки. „Хочу идти в бой коммунистом!” — эти ставшие легендарными слова я слышал едва не перед каждым сражением”, говорит автор (стр. 9). Верно, что слышал, ибо сама же партия их сочинила. Благодаря такому методу массового зачисления солдат в „коммунисты”, партия выросла на войне на пять миллионов человек, из которых, говорит Брежнев, три миллиона были убиты. Брежнев, конечно, знает, что вся партия перед войной только и составляла три мил-

лиона человек, а страна потеряла в войне более 20 миллионов своих граждан. О них автор не вымолвил ни слова.

Вернемся к десанту. Из рассказа Брежнева невозможно узнать, где же автор находился во время десанта, — вероятно, в политуправлении фронта. Во всяком случае, его не было среди десантников, хотя среди них были начальники политотделов морских сил, а также заместитель начальника политотдела 18-й армии полковник А.И.Рыжов, — маршал Гречко называет их подлинными героями Малой земли (Маршал А.А.Гречко. Битва за Кавказ. 1971, стр. 323). Вообще не скупой на имена героев, Л.Брежнев обходит молчанием имя Рыжова, который потом был произведен в генералы и командовал армией. Впервые на Малую землю Брежнев попал через два с половиной месяца после десанта. Там уже находилось две трети 18-й армии. В апреле 1943 г. Брежнева назначили начальником ее политотдела. Он вспоминает: „Мое место было там, на передовой, в предместье Новороссийска, на узком плацдарме Малой земли. На войне не выбираешь, где воевать, но должен признаться, назначение меня обрадовало” (стр. 4).

В одном из первых посещений на сейнере Малой земли Брежнев получил и свое первое боевое крещение, — сейнер, налетев на мину, подорвался, и его выбросило в море. Однако в трех официальных источниках об этом эпизоде рассказано одно, а в воспоминаниях самого Брежнева — совершенно другое. Самый первый и ранний источник — это военный корреспондент „Правды”, Герой Советского Союза полковник С.Борзенко. Он был участником обороны Малой земли. Еще в 1958 г. он писал: „Несколько раз побывал Л.Брежнев на „Малой земле”, хотя

каждый рейс был связан с огромной опасностью. Однажды сейнер напоролся на мину, полковника Брежнева выбросило в море, там его в бессознательном состоянии подобрала матросы” (С.Борзенко. Жизнь на войне. М., 1958, стр. 167). Второй, весьма авторитетный источник — бывший министр обороны, маршал Гречко. Маршал Гречко пишет: „Однажды сейнер, на котором шел на Малую землю начальник политотдела полковник Брежнев, наскочил на мину. Взрывной волной Брежнева выбросило в море и он потерял сознание. Благодаря смелости и находчивости матросов, жизнь Брежнева была спасена” (Маршал А.Гречко. Битва за Кавказ, стр. 323). Третий, еще более авторитетный источник — книга „Леонид Ильич Брежнев” (краткий биографический очерк), сочиненная в Москве в 1976 г. его личными сотрудниками. Причем ее английское издание (в Лондоне) и американское (в Нью-Йорке) вышли с предисловием самого Брежнева. В ней сказано: „Сейнер, на котором находился Леонид Ильич, наскочил на мину и подорвался. Взрывной волной начальник политотдела армии был выброшен за борт: его спасли моряки” (стр. 17).

А вот теперь рассказ самого Брежнева: „...наш сейнер напоролся на мину. Мы с лоцманом стояли рядом, вместе нас взрывом швырнуло вверх.

... у меня в тот момент промелькнула одна мысль: только бы не упасть обратно на палубу.

Упал, к счастью, в воду довольно далеко от сейнера... Плавал я с мальчишеских лет хорошо, все-таки рос на Днепре, и в воде держался уверенно. Отдышался, огляделся и увидел, что оба мотобота, отдав буксиры, медленно подрабатывают к нам винтами.

Я оказался у бота № 9, подплыл к нему и лоцман Соколов. Держась рукой за привальный брус, мы

помогали взбираться на борт тем, кто под грузом боеприпасов на плечах с трудом удерживался на воде” (стр. 5).

Так что, не матросы Брежнева спасли, а наоборот, оказывается, Брежнев спасал матросов. Причем сам поднялся на борт последним, да и то, когда кто-то крикнул на него: „ – Ты что, оглох? Руку давай!”

Это кричал на меня, протягивая руку, как потом выяснилось, старшина второй статьи Зомода. Не видел он в воде погон...” (там же). Впрочем, как бы почувствовав трагикомичность аргумента о чести ношения погон в такой обстановке, Брежнев добавляет: „ ...да и не важно это было в такой момент”, и, „ухватившись за брус (а не за руку старшины! – А.А.), я рванулся наверх” (там же).

Вполне понятное желание Брежнева выделить 18-ю армию из числа других ее якобы особыми героическими делами („18-ю все время бросали на трудные участки” – стр. 4) не подтверждается ни документами, ни его мемуарами. В сводках Ставки Верховного Главнокомандования и в приказах Сталина было принято отмечать особо выделившиеся армии, корпуса, дивизии, полки, но подвиги 18-й армии, хотя бы на той же Малой земле, нигде в них не упомянуты, иначе Брежнев привел бы такие документы. Между тем, по Брежневу, на Малой земле происходили не бои местного характера, а *сражения стратегического значения*. При этом автор утверждает: „Думается, что десант на Малую землю и бои на ней могут служить образцом военного искусства” (стр. 8). Немцы, уверяет он, тоже уделяли особое внимание 18-й армии и Малой земле. Автор пишет: „По плацдарму, когда мы заняли его, фашисты били беспрерывно, обрушили гигантское количество снарядов и бомб, не говоря уж об автоматнo-пуле-

метном огне. И подсчитано (когда, где, кем? — А.А.), что этого смертоносного металла на каждого защитника Малой земли приходилось по 1250 килограммов” (там же).

Читатель легко догадается, что эта действительно страшная цифра приведена, чтобы показать, какой большой опасности подвергался и сам начальник политотдела, который, по словам Борзенко, „несколько раз побывал на Малой земле”. Это видно также и из продолжения рассказа Брежнева: „На плацдарме сражалось почти две трети 18-й десантной армии, и большую часть своего времени я проводил на Малой земле. Так что и на мою долю из тех килограммов смертоносного металла тоже кое-что предназначалось” (там же). Но как говаривал Толстой, автор пугает, а читателю не страшно. Поэтому через несколько страниц Брежнев, словно почувствовав, что слишком сгустил краски „смертоносной” жизни на Малой земле, делает неожиданное признание: „У читателя может создаться впечатление, будто тысячи людей на плацдарме жили только атаками, бомбежками, рукопашными схватками. Нет, за долгое время тут утвердилась жизнь, в которой было место всему, чем обычно живет человек. Читали и выпускали газеты, проводили партийные собрания, справляли праздники, слушали лекции. Затеяли даже шахматный турнир. Выступали армейский и флотский ансамбли песни и пляски”... (стр. 12). Бойцы, которые затевают на передовой линии шахматный турнир, не только никого не боятся, но они, несомненно, и скучают. Интересно замечание автора о подарке, который командование сделало бойцам в день праздника 1 мая 1943 г. Лишняя буханка хлеба? Водка? Махорка? Да нет же. Лишенный элементарного чувства юмора, автор пишет: „Хороший по-

дарок малоземельцам был преподнесен в честь 1 мая 1943 г. Когда рассвело, люди ахнули и заулыбались от радости. Ночью в разных местах расположения бригады бойцы водрузили красные знамена. Утром их увидели все, в том числе, конечно, и немцы. (...) знамена буквально ошеломили...” (стр. 13).

Наконец, начинаются военные действия немцев против советского плацдарма – Малой земли. Брежнев притворяется или, может быть, и всерьез думает, что никто иной, как сам Гитлер, придавал боям на Малой земле значение стратегического сражения, подобного сражениям под Москвой, на Волге или на Курской дуге. Автор пишет: „Решив сбросить нас в море, Гитлер на этом участке фронта *поставил на карту все* (выделено мною. – А.А.). Создавалось тяжелое положение. Тогда Военный совет 18-й армии, а практически я, написал письмо-обращение к малоземельцам. Оно пошло по окопам и блиндажам. Люди резали руку и расписывались на нем кровью” (стр. 14). Зачем это дикое „членовредительство”, к тому же строго наказуемое в военных условиях? Оказывается, подписи кровью бойцов нужны были начальнику политотдела, чтобы продемонстрировать перед Сталиным свою личную преданность: „Один экземпляр я послал позже И.В.Сталину, чтобы он понял, как дерутся бойцы” (там же).

Поскольку мы знаем Брежнева не как фанатика коммунизма, а как фанатика карьеры, то психологически насквозь фальшива следующая сцена: „18 апреля в штаб Северо-Кавказского фронта... вылетела группа представителей Ставки во главе с маршалом Г.К.Жуковым. В тот же день вместе с наркомом военно-морского флота Н.Г.Кузнецовым и командующим ВВС А.А.Новиковым они приехали в штаб 18-й десантной. Об этом мне сообщил один из штабных полковников (кто именно? – А.А.)...

- Маршал хочет вас видеть.
- Это что, приказ? – спросил я.

– Приказа такого от него я не получал, – ответил полковник. – Но он сказал, что хотел бы с вами поговорить” (там же). Брежнев пишет, что ему тоже хотелось поговорить с Жуковым, но так как он был уверен, что его мнение о необходимости усилить помощь Малой земле воздушными силами маршалу доложит командование 18-й армии, то: „Мне же лучше в тяжелый момент не покидать плацдарм. Так я и поступил: остался с бойцами на Малой земле” (стр. 15). Легенда эта родилась из мемуаров маршала Жукова. Маршал писал, что, разъезжая по фронтам, он посетил и 18-ю армию. Когда маршал писал свои мемуары, начальник политотдела этой армии уже был генсеком ЦК КПСС. Разумеется, в аппарате ЦК, где редактировали и исправляли мемуары маршала, ему могли указать, что неудобно, посетив 18-ю армию, не поинтересоваться существованием полковника Брежнева. Отсюда фраза в мемуарах Жукова: „О настроении бойцов мы хотели посоветоваться с Брежневым, но как раз он находился на Малой земле” (Маршал Г.К.Жуков. Воспоминания и размышления. 1969, стр. 477). Если сам заместитель Верховного Главнокомандующего маршал Жуков хочет видеть полковника и даже знать его мнение, то читатель должен думать, что Брежнев не просто полковник-пропагандист, а военный стратег, с советами которого считалось Верховное Главнокомандование.

Ни в какой период истории, ни в одной армии в мире, ни в одной войне так не пренебрегали солдатской жизнью, как в советской армии во время советско-германской войны. Об этом говорят непомерно высокие потери в людских силах в советской ар-

мии по сравнению с немецкой. Весь „гений” сталинского военного искусства и сталинской военной стратегии был основан на принципе — добиваться победы массированным перерасходом человеческих жизней, даже в тех ситуациях, где умение, техника и фактор времени могли и должны были сэкономить жизнь солдат. Отсюда же требование Сталина предпринимать лобовые атаки большими массами не только в наступлении, но и в обороне. Поэтому советские войска, вопреки всем военным правилам, даже в обороне теряли больше людей, чем немцы в наступлении. Сталинские маршалы и генералы, воспитанные в духе этой сталинской военной науки, смотрели на своих солдат не как на живых людей, а как на бездушные инструменты войны. Генерал Эйзенхауэр цитирует в своих мемуарах характерное заявление на этот счет самого маршала Жукова. Когда он, генерал Эйзенхауэр, сообщил Жукову, как, применяя технические средства, американцы разминировали перед собою поле боя, Жуков оценил такой метод как малоэффективную возню, заметив, что мы, советские командиры, чтобы разминировать поле перед собою, пускали по нему сначала один батальон солдат. Эти солдаты жертвовали собой, чтобы армия, которая следует за ними, могла двигаться быстрее. Конечно, у японцев в войне тоже были команды камикадзе, добровольцев смерти, которые жертвовали собою, чтобы наносить врагу чувствительные удары. Но жуковские минные, часто штрафные, батальоны шли на смерть не добровольно, а по принуждению (ведь сзади и с боков действовали заградительные отряды НКВД, которые открывали огонь по тем, кто не выполнял приказа или старался сдаться в плен). В мемуарах Брежнева говорится нечто противоположное всему этому. Он даже при-

водит выдержку из собственного документа конца 1943 г. о „сбережении сил”. Он пишет: „...мы несли большие потери... Вопрос о жалости на войне — сложный вопрос. (...) Среди сохранившихся документов военных лет есть директива, под которой стоит моя подпись: ... Постоянно проявляйте заботу о сбережении сил и здоровья бойцов” (стр. 16). „...то, что написано здесь, было для меня главным делом в течение всей войны”, — замечает автор. Если это так, то Брежнев просто не понял своего „Верховного” — Сталина, который иные приказы об обороне сопровождал указанием: „несмотря ни на какие потери” удержать данный пункт (Киев, Ленинград, Сталинград). Когда Жуков в начале войны признал такую установку Сталина ошибочной, Сталин его снял с поста начальника Генштаба, но когда тот же Жуков начал ее щедро применять под Москвой, Сталинградом и Ленинградом, Сталин его сделал своим заместителем.

Брежнев думает, что победу Советскому Союзу принесли не танки, пушки и самолеты, даже не народ, а политработники. Хотя для политработника армии такое мнение вполне естественно, оно не только не выдерживает исторической проверки, но в устах главы государства просто нелепо. Однако послушаем аргументацию автора: „...если учесть, что боевой дух войск всегда признавался важнейшим фактором стойкости войск, то именно политработнику было доверено самое острое оружие в годы войны. Души и сердца воинов закалял он, без чего ни танки, ни пушки, ни самолеты победы нам бы не принесли” (стр. 17). Если придерживаться такой философии, то непонятно, как русская императорская армия, в которой не было ни политруков, ни комиссаров, одерживала многочисленные победы и

создала империю на 1/6 части земного шара. Конечно, моральный фактор играет в войне выдающуюся роль, это доказала та же Красная армия в первые два года войны, когда при тех же политработниках около пяти миллионов ее солдат сдались в плен, иногда без всякого сопротивления, не желая защищать инквизиторский режим Сталина. Если эта армия потом начала сопротивляться, а затем и наступать, то не из-за политруков, во главе со Сталиным, а несмотря на них, ибо Гитлер ее убедил, что его цель — не уничтожение большевизма, и даже не расчленение России, а установление чужеземного господства над всеми народами СССР.

Свои успехи как начальника Брежнев приписывает не какой-либо абстрактной идее, а своим личным человеческим качествам. Рассуждения Брежнева интересны здесь не как исторический факт, а как декларативное утверждение нынешнего главы партии и государства. Поскольку Брежнев заявляет, что он такой государственный деятель, который всегда говорит, что действительно думает (стр. 33), то читателю внушается мысль, что перед ним не тиран школы Сталина, а новый тип коммунистического вождя с „человеческим лицом” (именно такой портрет Брежнева рисует сейчас советская пропаганда). Послушаем его самого: „... работа должна вестись с умом и тактом. Если даже человек ошибся, никто не вправе оскорбить его окриком. Мне глубоко откратительна... кое у кого сохранившаяся привычка повышать голос на людей. Ни хозяйственный, ни партийный руководитель не должен забывать, что его подчиненные — это подчиненные только по службе, что служат они не директору или заведующему, а делу партии и государства. ... нельзя ущемлять самолюбие людей, унижать их достоинство.

Так я считаю сегодня, этому правилу следовал и в годы войны...” (стр. 18).

Пока нет противоположных доказательств, можно поверить автору, что он не разносит своих подчиненных, не ругается, хотя надо заметить, что широко распространенное сквернословие в советских учреждениях сначала родилось в самой партийной сфере. Но главное ведь в другом. Концепция вождя с „человеческим лицом” никак не вяжется со все еще продолжающейся инквизиторской практикой КГБ, с концлагерями и сумасшедшими домами, куда сажают инакомыслящих, верующих и „националистов”. Совсем недавно Брежнев „обессмертил” свое имя в истории, подписав варварские указы о лишении родины Галины Вишневской, Мстислава Ростроповича и Петра Григоренко.

Поскольку Брежнев думает, что политорганы — все и вся, то он не ограничивает их роль только их собственной сферой действия — пропагандой и митингами. Автор уверяет нас, что начальники политотделов в армии участвовали в разработке оперативных планов командования. До сих пор мы из самой советской литературы знали, что в разработке операций в армейском масштабе участвовали командующий армией, начальник штаба и член Военного совета (см. „Приложение № 1 к книге маршала А.А.Гречко „Битва за Кавказ”, 1971). Теперь Брежнев утверждает, что сам участвовал в разработке таких операций. Вот что он пишет: „...политические работники стали душой Вооруженных сил.

Разумеется, они участвовали в подготовке наступательных или оборонительных операций, без них не обходилась разработка планов военных действий. Я, например, не помню случая, чтобы генерал Леселидзе или другие командующие армиями, с которыми

пришлось мне воевать, не учли моей точки зрения или поправок, порой весьма существенных” (стр. 18).

Это утверждение преследует определенную цель, в чем мы еще убедимся, а пока заметим, что в разработке оперативных планов командования армии действительно участвует партийный работник, но стоящий выше начальника политотдела и по должности и по рангу — это член Военного совета, представитель ЦК, без подписи которого не был действителен (как не действителен и сейчас) даже приказ самого командующего. Когда начали создавать „культ Сталина”, каждый пункт, в котором когда-то находился Сталин на Кавказе и в России, каждая политическая акция, в которой он участвовал, каждая армия или фронт гражданской войны, куда его посылали членом Военно-революционного совета, объявлялись впоследствии важнейшими вехами на путях к победе всей большевистской революции. В конце концов вся партийно-историческая литература превратилась в сплошные мифы, фикции и легенды о политическом и военном гении Сталина. Как стратег революции и полководец гражданской войны Сталин оказался не только выше Троцкого, но и выше самого Ленина. „Культ Брежнева” сейчас создается по тем же рецептам сочинений исторических легенд и мифов. Поэтому становится возможным приписывать ему роль, которую он в войне не играл, а политотделам приписывать функции, которые им не свойственны и их статутом не предусмотрены.

Так, авторы официальной биографии Брежнева уже смелее, чем он сам, утверждают: „На всех этапах битвы за Кавказ Л.И.Брежнев принимал активное участие в разработке планов оборонительных и наступательных операций и их проведении. Он был

одним из инициаторов смелого замысла по осуществлению в сентябре 1943 г. десантной операции с суши силами 18 армии и с моря — Черноморского флота с целью полного освобождения Новороссийска” (Леонид Ильич Брежнев. Краткий биографический очерк. М., 1976, стр. 18). Но маршал Гречко описывает функции и роль Л.Брежнева совсем по-другому: „Л.И.Брежнев беседовал с воинами, проводил совещания с командирами и политработниками, бывал на партийных и комсомольских собраниях, вручал партийные билеты принятым в ряды партии” (Маршал А.А.Гречко. Битва за Кавказ, стр. 412). Такова действительная роль, которую играл на протяжении всей войны Брежнев. Это немаловажная роль, но приписывать Брежневу оперативное руководство и стратегические замыслы — значит исказить не только его биографию, но и фальсифицировать историю и роль политотделов в советских вооруженных силах. Что же касается истории возникновения „инициативы смелого замысла” десантной операции против Новороссийска, то сам Брежнев нам рассказывает, у кого и как возникла эта инициатива: „Рядом с нами воевала армия А.А.Гречко... Возьмет одну сопку — остановка, возьмет еще одну — опять остановка. Помню, Леселидзе, Колонин (член Военного совета. — А.А.), я и полковник Зарелуа лежали на бурке. Был момент отдыха, мы обсуждали сложившуюся обстановку, и Леселидзе сказал:

— Знаете что? Ключ ко взятию Тамани и Крыма не на этих сопках, а во взятии Новороссийска. Давайте мы попросим Ставку дать нам 17-20 тыс. человек пополнения. Подготовимся и начнем штурм. Там мы и сделали” („Новый мир”, № 2, 1978, стр. 21).

Вот это присутствие на „бурке” лейб-биографы „генсека” превратили в „инициативу” Брежнева. Взятие в сентябре 1943 г. Новороссийска советскими войсками Брежнев рисует как большую битву стратегического масштаба, чтобы возвысить не только свою роль в войне, но и оправдать присвоенное этому городу через 31 год после войны звание Города-героя — из-за того, что Брежнев впоследствии стал генсеком. Однако сдача немцами Кавказского побережья Черного моря была решенным делом еще с января 1943 г., после сталинградской катастрофы немецкой армии. С Кавказа немцы уходили сами без большого давления, чтобы организовать новую линию обороны на Крымском полуострове и на Украине. Побережье вокруг Новороссийска они держали для прикрытия своего отступления с Кавказа. Ко времени боев за Новороссийск в сентябре 1943 г. город этот уже выполнил свою задачу и он был бы вскоре оставлен без боя, как оставались и другие города. Так что, в точном военном смысле этого термина, никакой „битвы” за Кавказ не было, как не было ее и за Новороссийск. Были шестидневные „престижные” бои, которые автор называет „битвой за Новороссийск”.

В ходе рассказа читатель все время ждет, когда же автор расскажет о своем личном участии в этой „битве”, тем более, что Брежнев составил, руководствуясь, как он пишет, указаниями Ленина из времен гражданской войны, „Памятку десантнику”. Как ленинские комиссары в гражданской войне, Брежнев обращался в своей „Памятке” в первую очередь к коммунистам с „ленинским наказом”: „Товарищ коммунист! Ты должен в бой вступать первым, а выходить из боя последним... коммунист умеет не только благородно жить, но и достойно

умереть” (стр. 22). Но Брежнев так и не рассказал читателю о каком-либо эпизоде, из которого было бы видно, что он верен собственной инструкции. Автор, очевидно, считает своим подвигом то, что горевал о погибших, торжественно хоронил их, утешал их вдов письмами: „...сердце не слушалось, щемило нестерпимой болью. Сам я писал письма вдовам, моя горсть земли лежит в могилах товарищей, огонь моего автомата звучал в залпе траурного салюта... Они до конца выполнили ленинский наказ...” (стр. 25). Впрочем один эпизод, свидетельствующий о его собственной жертвенности или даже подвиге, автор все-таки приводит. Это случилось, когда части 18-й армии и морского флота вошли в город и саперы начали на полях разминирование: „Перед клубом моряков было картофельное поле, тут я вышел вперед. Колонин мне говорит:

- Ты куда лезешь?

— Ты член Военного совета, — ответил я, — а я начальник политотдела. Я должен на два шага идти впереди” (стр. 26).

Мемуары Брежнева читаются легко, местами они написаны довольно занимательно, если отвлечься от неизбежной в советской литературе пропагандной мути; они расширяют наши знания о становлении характера и образе мышления нынешней главы коммунистической партии и советского государства. Конечно, не эту цель преследовал автор, еще меньше он думал о литературной славе. Его цель чисто политическая: он хочет показать партии и народам страны, что в безвестном начальнике политотдела Малой земли жил еще в те далекие годы недооцененный современниками военный стратег и государственный муж большого масштаба. Под конец рассказа Брежнев, по примеру Сталина, даже начинает гово-

рять о себе в третьем лице. Он пишет, что на параде в честь победы на Красной площади „...комиссаром сводного полка 4-го Украинского фронта” был назначен „начальник политуправления фронта генерал Брежнев” (стр. 33) (Брежнев был произведен в генералы в ноябре 1944 г.). Ровно через десять дней после выхода в свет „Малой земли” мы узнали и ближайшую цель мемуаров: 20 февраля 1978 г. Президиум Верховного Совета СССР издал Указ: „За большой вклад в победу советского народа и его Вооруженных сил в Великой Отечественной войне наградить Л.И.Брежнева орденом „Победы””.

Высший военный орден „Победа” был учрежден 8 ноября 1943 г. Он изготавливается из платины и на нем укреплены бриллианты, общий вес которых 16 каратов. Имена награжденных заносятся на специальную доску в Кремле. Однако орден „Победа” Брежнев получил, грубо нарушая закон об этом ордене. Согласно статье первой Статута об ордене „Победа”, им награждаются только полководцы — „за успешное проведение таких боевых операций в масштабе нескольких или одного фронта, в результате которых в корне меняется обстановка в пользу Советской Армии” (Г.Колесников и А.Рожков. Ордена и медали СССР. М., 1974, стр. 43). За всю войну орденом „Победа” было награждено только 12 человек (два полководца — дважды) — Главнокомандующие фронтами, начальник Генерального штаба, сам Верховный Главнокомандующий; в том числе пять иностранцев: Эйзенхауэр, Монтгомери, Тито, король Румынии Михай I и маршал Польши Роля-Эксимерский („Военно-исторический журнал”, № 11, 1978). Среди этих награжденных нет ни одного члена Военного совета фронтов, таких, как Хрущев, Берия, Булганин, Жданов, нет ни одного ко-

мандующего армией, а вот теперь среди них есть начальник политотдела армии полковник Л.Брежнев.

В увлечениях Брежнева всякими наградами и чинами больше всего бросается в глаза его исключительная страсть к военным орденам и военным чинам — за время пребывания на посту генерального секретаря ЦК Брежневу три раза присваивали высшие воинские звания — генерал-полковника, генерала армии, маршала, плюс должность Верховного Главнокомандующего, два раза награждали званием Героя Советского Союза, один раз почетным боевым оружием — саблей; теперь его наградили высшим военным орденом, которым награждают только полководцев во время войны или тотчас после победы над врагом. Спрашивается, зачем нужны в мирное время боевые ордена и высшие военные чины гражданскому лицу, главе государства, который постоянно утверждает, что он хочет мира?